

УДК 111 + 2-21 + 140.31

Ю. В. Горбатова

ОНТОЛОГИЯ КАК ПРОБЛЕМА: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА*

Основным тезисом статьи является утверждение, что те общеизвестные «слабые места» в христианском вероучении, которые регулярно подвергаются нападкам критиков и которые современные теологи-аналитики пытаются отстоять, не могут быть не только защищены, но и верно поняты, если за основу взята не онтология вещей, а онтология положений дел.

Ключевые слова: онтология, схоластика, аналитическая философия, метафизика.

Проблемой всей современной аналитической теологии является приложение онтологии положений дел к теологическим (точнее — схоластическим) вопросам. Алвин Плантинга, как и любой современный философ-аналитик, в качестве основы для своей системы берет онтологию положений дел¹. На первый взгляд это не кажется проблемой — онтология положений дел является естественным (и поэтому единственным) способом анализа мира. Однако те вопросы, которые вставали перед средневековыми теологами, ставились ими не в рамках онтологии положений дел, а в рамках онтологии вещей (предметов). Это, как может показаться, несущественное различие на самом деле является пропастью между современным и схоластическим восприятием мира как такового, языка как средства его описания и, следовательно, тех проблем, которые ставятся в так (или иначе) понимаемом языке относительно так (или иначе) понимаемого мира.

Сам Плантинга, формулируя претензии к средневековым схоластам (только в том, *как* они отстаивают положения веры, а не *что* они отстаивают), не обращает должного внимания на имеющуюся трудность. По его мнению, язык философии вообще и науки в частности — универсальный язык, не претерпевающий никаких изменений и сохраняющий свой status quo в любую эпоху. Следовательно, и никакой смены онтологий тоже никогда не происходило, ведь иначе оно непременно сказалось бы на языке.

Такая позиция изначально выглядит не самой лучшей. Европа² последовательно переживала несколько этапов, каждый из которых характеризовался заметными изменениями во взглядах на науку и философию, а также на их место в культуре. Очевидно, что такие изменения, чем бы они ни были вызваны, приводили к смене онтологии, что приводило к изменениям внутри науки и философии, что, в свою очередь, отражалось в языке. Если не отдавать себе

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0172 «Логико-онтологические основания современной аналитической теологии», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

¹ О семантике возможных миров у Плантинги см. [12, 13].

² Речь пойдет только о европейской культуре. Подробнее — [2].

отчет в этих метаморфозах, то, согласно меткому замечанию Гайдено и Смирнова, мы «оказываемся в парадоксальном положении “зрячих слепых”: видим слова, вроде видим, что стоит за ними, и в то же время как будто пребываем в абсолютной темноте, ибо не понимаем, как можно вообще смотреть на мир такими глазами» [1, 13].

Для любого схоласта мир, конечно же, состоит из вещей (*res*). В «Комментариях к “О Троице” Боэция» Фома перечисляет все виды предметов, которые могут существовать лишь в материи. Имеются следующие виды таких предметов: 1) те, которые зависят от материи и по бытию, и в мышлении, т. е. их нельзя даже помыслить вне материи; 2) те, которые зависят по бытию, но не в мышлении; 3) те, которые не зависят от материи по бытию. Среди предметов третьего вида упоминаются и качество, и сущее, и акт, и единое. При этом нет никакого четвертого вида предметов, которые бы зависели от материи в мышлении, но не по бытию. Таким образом, есть только три вида философии, и каждый изучает *только предметы* определенного вида. Из этого следует, что для средневекового ученого никакие положения дел, факты или высказывания не представлялись тем, что действительно существует. Даже свойства, единое или акт — это *вещи*. Перед нами очевидный пример так называемой аллогенической традиции. В то же время Плантинга, как представитель современной аналитической философии, является приверженцем (хотя и не без досадной примеси вещественности) онтологии положений дел, фактов. Другими словами, Плантинга — представитель идиогенической традиции³.

Поскольку речь идет о трактовке суждений, тут важно отметить, что от приверженности той или иной традиции зависит очень многое. А именно: каждая из традиций представляет собой как бы «внутреннюю онтологию» используемого языка — то, что Куайн называет «онтологическими обязательствами». В зависимости от принятой «внутренней» онтологии изменяется так называемая «внешняя» онтология — общая картина действительности, которую мы описываем с помощью языка. Смена «внутренней» онтологии может привести к тому, что она вступит в конфликт с «внешней» онтологией, блокируя правильное понимание последней.

Идиогеническая традиция глубоко укоренена в современной культуре, кажется естественной и единственно возможной⁴. Для современного ученого мир выглядит совершенно иначе, не так, как для его средневекового коллеги⁵, но это не значит, что он имеет право «подгонять» старую терминологию под новую, не считаясь с онтологическими предпосылками как первой, так и второй.

³ Подробнее об этом можно прочитать у Казимежа Твардовского. Общая же идея такова: «согласно аллогенистам, к существенным и необходимым составляющим каждого суждения принадлежат субъект и предикат, ибо так называются эти два представления. Идиогенетические теории отличаются от аллогенетических тем, что 1) считают представления не существенными составляющими суждения, но условием суждения; 2) предполагают, что, для того чтобы высказать суждение, необязательно нужны два представления, тогда как часто достаточно одного представления; 3) усматривают в акте суждения психическое явление *sui generis*, а не некий синтез, комбинацию или анализ представлений» [8].

⁴ См., например, [7].

⁵ В качестве примера иного взгляда на онтологию можно указать, например, [9].

Задача, напротив, заключается в следующем: «занять позицию, обеспечивающую такой угол зрения на мир, при котором то, что кажется нам непривычным и странным, стало бы естественным» [1, 14].

В статье 1969 г. «Параллелизм между витгенштейнианской и аристотелианской онтологиями» Богуслав Вольневич рассматривал «точки соприкосновения» этих двух онтологий, демонстрируя возможность перевода одной онтологии в другую на основании многих онтологических параллелей, выявляемых при тщательном изучении текстов Аристотеля и Фомы Аквинского, с одной стороны, и Витгенштейна — с другой. Вольневич обнаруживает удивительный изоморфизм онтологий: обе они модальны, обе в качестве базового используют понятие контингентного бытия. Кроме того, у сущностей и фактов во многих аспектах имеется сходство: и те и другие составны и партикулярны, могут как быть, так и не быть. Однако на основании всего вышеперечисленного можно сделать вывод (и именно такой вывод делает Вольневич) только об одинаковом онтологическом статусе этих категорий относительно той онтологии, в которой они заданы. Но никак нельзя утверждать, что сущность и факт — одно и то же. Противопоставляя атомарным фактам Витгенштейна не предметы, но сущности, Вольневич, в частности, отмечает: «С витгенштейнианской точки зрения аристотелевские сущности представляют собой не вещи, а гипостазы фактов, и, следовательно, их имена не суть логически собственные имена, а лишь имя-подобные эквиваленты высказываний <...> с аристотелианской точки зрения, легко можно было бы возразить, что имеет место как раз противоположное: не сущности представляют собой “реифицированные” факты, а, наоборот, факты — “дереифицированные” сущности» [15].

Сравнивая витгенштейнианскую онтологию уже собственно с томистской, Вольневич обнаруживает следующий параллелизм: понятию сущности (*ens*) у Аквината сопоставляется понятие факта (*Tatsache*), сущности (*essential*) — положение дел (*Sachverhalt*), быть (*esse*) — быть (*bestehen*). Акт бытия у Аквинского представляется как квазиравенство:

$$ens = essentia plus esse,$$

в то время как у Витгенштейна

$$\text{факт} = \text{существование Sachverhalt.}$$

Как видно, наивный перевод аллогенической онтологии в идиогеническую попросту невозможен.

Тем не менее, в случае с Плантингой, при всем старании невозможно заметить ни малейшего намека на стремление к аккуратному переводу из одной онтологии в другую⁶, к примеру, утверждение, что необходимая вещь — по определению то же, что и необходимость высказывания о существовании этой вещи, Плантингой постулируется в качестве определения. Однако для схоластика подобное тождество невозможно. Для Средневековья (как, впрочем, и для Античности) характерно понимание предмета как денотата имени. В рамках такого подхода высказывание денотата не имеет: истинность и ложность пони-

⁶ По этому поводу см. также [3].

маются не как денотат, но как свойства высказывания (суждения), что далеко не одно и то же. Отсюда явно следует, что высказывание предметом не является. Следовательно, постулат о тождестве необходимой вещи необходимости высказывания о ее существовании, сформулированный Плантингой с целью «прояснения» схоластической идеи необходимости, приводит к легкопрогнозируемому результату: мы, по сути, незаметно для самих себя переводим разговор из области вещей (предметов) в область фактов.

Тем не менее надеяться на адекватный перевод кажется вполне разумным. Как отмечает Фуко, в каждой культуре между крайними ее областями — кодами языка и философскими интерпретациями — лежит менее доступная для анализа, но не менее важная область, в которой культура «сталкивается с тем элементарным фактом, что под ее спонтанно сложившимися порядками находятся вещи, сами по себе доступные упорядочиванию и принадлежащие к определенному, но не выраженному порядку, короче говоря, что *имеются* элементы порядка. Дело обстоит так, как если бы, освобождаясь частично от своих лингвистических, перцептивных, практических решеток, культура применяла бы к ним иную решетку, которая нейтрализует первые и которая, накладываясь на них, делала бы их очевидными и одновременно излишними, вследствие чего культура оказывалась бы перед лицом грубого бытия порядка. Коды языка, восприятия, практики критикуются и частично становятся недействительными во имя этого порядка. Именно на его основе, принимаемой за положительную опору, и будут выстраиваться общие теории об упорядоченности вещей и вытекающие из нее толкования» [10, 33]⁷.

Сравним теперь «внешние» онтологии, назвав их для простоты изложения «схоластической» и «аналитической». Отметим также, что непротиворечивые комбинации создают аллогеническая и схоластическая, а также идиогеническая и аналитическая «внутренняя» и «внешняя» онтологии соответственно.

1. Со времен утверждения христианства человек знал, что мир — это священная книга, написанная всемогущим Богом. Эту книгу можно прочитать, она может (и даже должна) быть объектом рефлексии. Чтобы иметь возможность прочесть ее, Бог дал людям священный же инструмент — язык. Сам язык не представлялся объектом рефлексии, он был лишь ее орудием. Однако со временем отношение к языку изменилось. В период схоластики язык оценивается не только (и не столько) как средство для рефлексии, но как собственно объект рефлексии. Именно в языке выражается особое подобие человека Богу. Сам язык оказывается подобием мира. Его изучение, раскрытие сокрытых доселе возможностей — вот что становится основной задачей ученого: «Повсюду развертывается одно и то же взаимодействие знака и подобного, и поэтому

⁷ Стоит, правда, отметить, что такой взгляд на имеющееся положение дел, безусловно, является оптимистическим. По сути, нет никакой гарантии, что те предметы «грубого бытия», которые мы увидим, отодвинув завесу своей привычной онтологии, не окажутся тем не менее предметами, доступными нам только в силу того, что наша онтология исподволь продолжает поставлять нам способ структуризации мира.

природа и слово могут перекрещиваться до бесконечности, как бы образуя для умеющего читать великий и единый текст» [10, 71].

В Новое время отношение к языку изменится коренным образом. Он снова станет лишь орудием (причем далеким от совершенства) для исследования объективного мира. Язык — инструмент, который требует до- и переработки, а в некоторых случаях — принципиального изменения. И вновь отношение к языку изменяется, когда на научной арене появляется аналитическая философия. Для философа-аналитика язык — первейший и практически единственный объект исследования. Он же его средство. Язык снова оценивается как пусть уже и несовершенное, но единственное орудие, в котором можно найти скрытые резервы, но от которого нельзя отказаться и который нельзя «преодолеть». Его можно только принять, но принять — осмыслив.

2. Во времена схоластики язык мыслится как неотъемлемая часть объективного мира. Он полностью погружен в мир. Вещи и слова неразличимы. Неразличимы по принципу подобия, по глубинной общей сути. Вещь существует, только если для нее есть понятие. Буквально: нет слова — нет и вещи. Небытие — это область безымянного.

Для аналитической философии собственно мир отодвинут за язык. Язык неразрывно связан не с вещами, но с положениями дел. И эта связь не менее тесная, чем у слов с вещами в Средние века. Теперь существующими признаются именно положения дел (факты). Существование вещей — это вопрос веры, а не знания.

3. Слова Боэция «*Diversum est esse et id quod est*» легко можно отнести не только к схоластической, но и к аналитической онтологии. То, что есть (сущность), и то, что существует, не одно и то же. Вещи, о которых обычно говорится, что они существуют, отличаются тем, что их существование не совпадает с их сущностью (тем, что есть). В то время как особым, выделенным, подлинным существованием обладает только один объект — Бог, у которого сущность и существование совпадают⁸. Именно в силу указанного выше различия о вещах можно сказать многое, но это сказанное говорится не совсем о них или даже совсем не о них: «Наличие многих свойств у вещи заставляет выделить субстанцию — то, что позволяет говорить о вещи как о чем-то одном, хотя этому нечто и не свойственно подлинное (т. е. неразличимое) единство. Многообразие свойств у одной вещи возникает в силу причастности одной общей основы различным неделимым определенностям. Но чтобы стала возможна такая причастность, необходимо, чтобы нечто уже было» [1, 137].

Для аналитической онтологии характерно не менее выразительное деление. Что существует? Положения дел. Но чтобы о них можно было говорить, должно уже что-то быть. Что же есть? Есть объекты. Они не существуют в том смысле, в котором существуют положения дел, зато они являются условием существования какого бы то ни было положения дел. Говорить о самих объектах (вещах) при этом крайне затруднительно, в данном случае они выполняют

⁸ Интересны современные статьи на эту тему. Например, [11] или [14].

ту же роль, что и субстанция в эпоху Средневековья. Как же описать то, что не поддается описанию? Только через его проявления. В данном случае — через положения дел.

4. И последнее. Для схоластов язык в первую очередь связан не с тем, что есть, но с тем, что существует. Отсюда проблемы с тем, чтобы дать определение (описание) Богу. Ни катафатический, ни апофатический варианты не являются ни окончательными, ни убедительными. Бог — то, что есть, — плохо описывается на языке, «заточенном» под то, чтобы говорить о том, что существует.

У аналитиков сходная ситуация. Язык, конечно же, предназначен для того, чтобы говорить о том, что существует, т. е. об объектах. Всякая попытка сказать на нем о том, что есть, вместо того, что просто существует, приводит к затруднениям.

Итак, в полный рост встает проблема перевода. Не перевода с языка на язык, но из онтологии — в другую онтологию⁹. Если учесть приведенные выше параллели, схоластическая и аналитическая онтологии, безусловно, обладают определенным набором сходных черт. Речь, однако, не идет об аналогии свойств, но лишь об аналогии отношений, где никакое сходство двух систем не указывает на их тождество.

По сути же еще более важным вопросом оказывается вопрос о принципиальной возможности такого перевода, а также (если перевод признан возможным) о его корректности и его пределах. И здесь, как отмечает Куайн, основным затруднением является тот факт, что «в принципе нет языка, изолированного от остального мира, по крайней мере, как он представлен говорящим. Основные различия в языке связаны, как это ни невероятно, с различиями в способе, которым говорящий расчленяет сам мир на вещи и свойства, время и пространство, элементы, силы, души и так далее. В принципе не ясно даже то, что придает смысл тому, чтобы думать о словах и синтаксисе как об изменяющихся от языка к языку, в то время как их содержание остается фиксированным» [6, 99]. Таким образом, процедура перевода становится принципиально невозможной. Точнее, у нас нет никакого способа удостовериться в верности совершенного перевода. Осуществляющий перевод (как, впрочем, и тот, кто сверяет перевод с первоисточником) всегда имеет в запасе априорное представление о мире, которым и руководствуется при переводе (сверке). Даже если переводящий учитывал, что автор первоисточника обладал другой «онтологической установкой», он никак не может ее присвоить, сделать своей, хотя бы и на время перевода. Так же не смог бы и автор первоисточника оценить корректность осуществленного перевода, даже при условии знания о другом онтологическом каркасе у своего визави. Можно, конечно, как предполагает Фуко, видеть сами элементы систематизации, а не систему. Однако нет никакой гарантии, что наша система в этот момент не подсовывает нам исподволь

⁹ См. также [4] и [5].

видение тех и только тех элементов, которые хоть как-то вписываются в нее саму.

Из всего вышесказанного нам кажется разумным сделать вывод, что те общеизвестные «слабые места» в христианском вероучении, которые регулярно подвергаются нападкам критиков и которые Платинга пытается отстоять, не могут быть не только защищены, но и верно поняты, если за основу взята не онтология вещей, а онтология положений дел. Проблемы, поставленные в рамках одной онтологии, плохо решаются при их искусственном переносе на почву иных онтологий. Особенно это касается таких крайне абстрактных вопросов, как свобода воли, наличие зла в мире, совершенства Бога или само его существование. Естественной оказывается только критика тех ответов, которые были даны схоластами. В наш век, пребывая в плену у иной онтологии, ответы средневековых авторов попросту не могут выглядеть убедительными, как не может для современного астронома выглядеть убедительным никакое рассуждение относительно звезд, основанное на теории Птолемея.

Неверным, однако, будет заключить, что вопросы, волновавшие схоластов, больше не интересуют современного человека и потому не требуют ответа. Требуют, поскольку они из разряда «вечных», что, с одной стороны, гарантирует их непреходящую важность, а с другой — такую же непреходящую безответность. Платинга выполняет благородную миссию, стремясь ответить на современном языке на выпады вполне современных ему коллег, формулирующих неновые «каверзные» вопросы. Однако вопросы на самом деле новые, даже если выглядят как старые. И ответы требуется давать на них тоже новые. Платинга же, наоборот, дает старые ответы на новом языке.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что современной аналитической теологии требуется не осуществить перевод проблематики из одной онтологии в другую, а сформулировать новые «старые» вопросы и новые ответы в рамках онтологии положений дел. Такая цель представляется вполне осуществимой.

-
1. *Гайденко В. П., Смирнов Г. А.* Западноевропейская наука в Средние века. М., 1989.
 2. *Гайденко В. П., Смирнов Г. А.* История западноевропейской философии. Трансформация принципов аристотелевской онтологии в томизме // Историко-филос. ежегодник. 2003. № 1.
 3. *Горбатова Ю. В.* Алвин Платинга о космологическом доказательстве бытия Бога святого Фомы Аквинского: Критический обзор некоторых аспектов // Вопр. философии. 2011. № 1.
 4. *Горбатова Ю. В.* Такая непростая божественная простота. (В печати).
 5. *Горбатова Ю. В.* Свобода, неотделимая от порока: Алвин Платинга как защитник свободы воли. (В печати).
 6. *Куайн У. В. О.* С точки зрения логики: Девять логико-философских очерков. М., 2010.
 7. *Смирнова Е. Д.* Логика и философия // Вопр. философии. 2000. № 12.
 8. *Твардовский К.* Об идио- и аллогенетических теориях суждения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/twardowski/idio.html>

9. *Фома Аквинский*. Комментарий к «О Троице» Боэция // *Вопр. философии*. 2005. № 6.
10. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
11. *Geach P. T.* Omnipotence // *Philosophy*. 1973. Vol. 48, № 183.
12. *Plantinga A.* Does God Have a Nature? Milwaukee ; Wisconsin, 1980.
13. *Plantinga A.* God, Freedom, and Evil. Cambridge, 1977.
14. *Wainwright W. J.* Freedom and Omnipotence // *Noûs*. 1968. Vol. 2, № 3.
15. *Wolniewicz B.* A parallelism between Wittgensteinian and Aristotelian ontologies // *Boston studies in the philosophy of science*. 1969. № 4.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.

УДК 164.02 : 510.62 + 111

В. А. Филипповский

ПОНЯТИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ФОРМАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

В работе исследуется понятие существования в формальных языках на примерах теории определенных дескрипций Рассела и теории существования Куайна. В работе отстаиваются два тезиса: 1) (тезис Лейевского) логика существования происходит от смешения теории квантификации и понятия существования; 2) чистая логика свободна от каких бы то ни было онтологических допущений, онтологические допущения можно обнаружить только в прикладной логике.

Ключевые слова: существование, формальные языки, онтологические допущения.

Вопрос о существовании

В истории мысли нет более обсуждаемых предикатов, чем предикаты «быть» и «быть истинным». Нас интересует первый из названных предикатов. С ним связано большое количество теоретических проблем и дискуссий, результатами которых являются: 1) множество определений того, что устанавливает предикат «быть» (так называемые критерии существования); 2) специфическое отношение исследователей к этому предикату, согласно наиболее радикальному из которых предикат существования не является предикатом.

Логические методы анализа понятия существования

Сконцентрируемся на некоторых логических методах анализа понятия существования. Важный вклад в исследование понятия существования с чисто логических позиций был сделан в работах Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, У. Куайна и других авторов. Здесь необходимо отметить, что вопрос о существовании встает, во-первых, в связи с уточнением статуса некоторых знаков как синкатегорематических; во-вторых, в связи с внешне категорематическими терминами, но в отношении которых не гарантировано наличие